

Набере
СЬЕРРА

Навьер
СЬЕРРА

Хозяин музея Прадо
и пророческие картины

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-312.9
ББК 84(4Исп)-44
С96

Серия «Кладбище забытых книг»

Javier Sierra

EL MAESTRO DEL PRADO Y LAS PINTURAS
PROFÉTICAS

Перевод с испанского *Е. В. Антроповой*

Компьютерный дизайн *В. А. Воронина*

Печатается с разрешения компании Picatrix S.L.
и литературного агентства Antonia Kerrigan Literary Agency.

Сьерра, Хавьер.

С96 Хозяин музея Прадо и пророческие картины : [роман] / Хавьер Сьерра ; [пер. с исп. Е. В. Антроповой]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Кладбище забытых книг).

ISBN 978-5-17-081515-9

Мадрид, 1990 год. Студент Хавьер встречается в музее Прадо загадочного незнакомца, и тот вводит его в совершенно особый мир — мир сокровенных знаний, скрытых в гениальных картинах Босха, Брейгеля, Эль Греко, да Винчи... Этот человек утверждает, что мастера прошлого владели тайной перехода в иную реальность и не раз приоткрывали дверь в другие миры.

Но можно ли ему верить? Не пустые ли это фантазии? Чтобы найти ответы на свои вопросы, Хавьер отправляется в библиотеку Эскориала и внезапно делает там невероятное открытие...

УДК 821.134.2-312.9
ББК 84(4Исп)-44

© Javier Sierra, 2013
© Перевод. Е. В. Антропова, 2015
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-081515-9

*Посвящается зрителям музея
Прадо, видевшим своими глазами ле-
гион безымянных мастеров. А также
Энрике де Висенте в честь двадца-
тилетней дружбы.*

То, что письма сообщают человеку, умеющему читать, образы сообщают не знающим грамоты, тем, кто познает мир лишь зрением; ибо взирая на картины, невежественные видят историю, которую читают, как если бы она была написана; и оказывается, что несведущие в грамоте по-своему могут читать.

Григорий I Великий, VI в.

На вещи, блистающие совершенством, следует смотреть не спеша, вооружившись временем, рассудительно и размеренно. Судить о них столь же сложно, сколь и создавать их.

Никола Пуссен, живописец, 1642 г.

Испания, страна эльфов и ангелов, оставила свой след в залах музея Прадо и старинных рукописях. И еще в подсознании своих жителей, особенно поэтов.

*Хуан Роф Карбальо,
врач, академик, 1990 г.*

Прадо — место непостижимое, таинственное, похожее на монастырь, где все испанское словно попадает в замкнутое пространство, концентрируется и укрывается за крепостными стенами.

Рамон Гайя, живописец, 1960 г.

Некоторые имена, адреса, события и даты, встречающиеся на страницах книги, умышленно подверглись литературной обработке, чтобы обезопасить уязвимые источники информации и сделать их содержание более доступным. Вместе с тем ссылки и факты, касающиеся произведений живописи или литературы, их структура и авторы соответствуют истине, — когда мы говорим об истории.

Эта история началась в 1990 году, когда ударили первые декабрьские морозы. Я долго размышлял, мучительно сомневаясь, уместно ли ее публиковать, тем более речь идет о проблемах глубоко личных. В сущности, моя небольшая повесть о том, как подмастерье писателя обучали искусству смотреть картины.

Все эпохальные события в судьбе человека разворачиваются в моменты кризиса, и я не стал исключением. В декабре я был юным восемнадцатилетним провинциалом, недавно приехавшим в Мадрид и мечтавшим пробить себе дорогу в городе потрясающих возможностей. Жизнь вокруг была ключом, и меня не покидало чувство, будто перспективы нашего поколения вырисовывались быстрее, чем мы были способны воспринять их и осмыслить. Подготовка к Олимпийским играм в Барселоне и Всемирной выставке в Севилье, создание первого скоростного поезда, появление трех новых общенациональных изданий, семейное телевидение были лишь самой заметной частью бурного развития. Я не сомневался, что однажды новые веяния коснутся и меня, однако важной роли они в моей жизни не сыграли. Наивный, я верил, что передо мной открывается торная дорога и я легко су-

мею отвоевать местечко под солнцем в мире печатного слова, с которым заигрывал с детства. В действительности, поселившись в столице, я выворачивался наизнанку, мечтая попасть на радиостанции, пресс-конференции, презентации книг, фуршеты и в редакции издательств. А старался я, преследуя одновременно две цели: познакомиться с известными журналистами, своими кумирами, и примериться к будущей профессии журналиста.

Но Мадрид той эпохи вскоре сделался зоной очень высокого напряжения.

С одной стороны, меня тянуло на улицы города, чтобы в полной мере вкусить все прелести жизни. А с другой — надо мной довлела обязанность окончить второй курс с максимальными баллами и сохранить стипендию, благодаря которой удалось поступить в университет. Как совместить несовместимое? Стоило только отвлечься от конспектов, и время стремительно ускользало сквозь пальцы. Двадцать четыре часа пролетали как одно мгновение! Но справедливости ради следует отметить, что я катастрофически не поспевал за временем по двум вполне уважительным причинам. Во-первых, я работал неполный день в редакции нового тогда научно-популярного ежемесячного журнала, куда меня пристроил добрый друг, а во-вторых, подолгу пропадал в Национальном музее Прадо.

Музей и стал основной сценой, где развернулись события, о которых я собираюсь поведать.

Вероятно, причиной случившегося явилось то, что в залах музея я находил нечто, в чем в тот момент

отчаянно нуждался, — тишину и покой. Музей Прадо — величественный, сдержанный, вечный, равнодушный к повседневной суете — сразу показался мне особенным местом, одушевленным, пронизанным историей. Залы его обычно заполняла достойная публика. Я мог находиться в галереях часами и не чувствовал себя там чужим. Кроме того, посещение было бесплатным. Пожалуй, Прадо единственное место из достопримечательностей в Мадриде, где за вход не требовали денег. В те годы было достаточно предъявить в билетных кассах удостоверение личности гражданина Испании и получить доступ к сокровищам музея.

Теперь, мысленно возвращаясь назад во времена юности, свою одержимость музеем я объясняю просто: собрание живописи Прадо стало тем немногим, что было для меня давно знакомым и близким в чужом городе. Еще в начале восьмидесятых годов мама за руку привела меня в этот музей, и коллекция картин потрясла меня до глубины души. Конечно, я был всего лишь ребенком с неумной фантазией, но бесконечная галерея изображений будоражила. Я до сих пор помню, какие прекрасные чувства пережил в тот первый визит в пинакотеку. Шедевры Веласкеса, Гойи, Рубенса и Тициана (перечисляя лишь тех, о ком я знал по учебникам) калейдоскопом мелькали перед глазами, превращаясь в ожившие картины истории. Словно по волшебству передо мной возникали мгновения далекого прошлого. И так уж сложилось, что благодаря ярким детским впечатлениям я стал восприни-

мать живопись как своеобразную машину времени. Она переносила меня сквозь годы и пространство, позволяла мельком увидеть старые драмы и забытые миры. Много лет спустя мне посчастливилось узнать их лучше по старинным книгам, которые я покупал в букинистических киосках на Куэста де Мойано.

Однако я не мог представить, что однажды вечером, поздней осенью 1990 года, стану героем удивительной истории, превосходившей самые невероятные детские фантазии.

Я помню все до мелочей.

Инцидент, положивший начало странным событиям, произошел в зале А Национального музея Прадо. Полностью погрузившись в созерцание, я стоял у широкой стены, где была представлена картина маэстро Рафаэля «Святое семейство»*. Филипп II называл шедевр «Ла Перла», считая его жемчужиной своей коллекции. Когда я наклонился вперед, чтобы рассмотреть картину поближе, со мной поравнялся человек, словно сошедший недавно с полотен Гойи. Он остановился, чтобы тоже полюбоваться Рафаэлем. Я едва ли обратил бы на него внимание, если бы в тот момент мы не оказались в галерее одни. Перед нами в зале развешивалась экспозиция, включавшая более тридцати великих шедевров живописи, но почему-то нас обоих привлекало «Святое семейство».

---

* Данное произведение Рафаэля Санти известно также как «Мадонна с младенцем, Иоанном Крестителем и святой Анной». — *Здесь и далее примеч. пер.*

Около получаса мы молча изучали картину. Потом я заметил, что незнакомец застыл, за все время даже не пошевелившись, и с любопытством стал наблюдать за ним. Поначалу ловил каждое его движение (изредка незнакомец моргал и вздыхал), словно ожидая, что он вот-вот потеряет интерес к картине на стене и отправится восвояси. Но незнакомец не уходил. Я искренне недоумевал, чем так заворожила его «Ла Перла», и принялся строить догадки, одна другой абсурднее. Чего хотел странный тип? Подшутить надо мной? Надуть? Щегольнуть эрудицией? Напугать? Обокрасть? А может, он решил устроить нелепое состязание «кто дольше простоит около картины», проверяя мою выдержку?

В руках у него не было проспекта или путеводителя, равно как и популярной в ту пору книги «Три часа в музее Прадо» Эухенио д'Орса. И его явно не интересовала сопровождавшая картину пояснительная табличка, где рассказывалась история работы Рафаэля. В отличие от меня он не менял позу, чтобы не видеть на доске раздражающих бликов от электрических ламп.

Неизвестный выглядел лет на шестьдесят, худощавый, с пышной копной волос, посеребренных сединой. Был он хорошо одет — в начищенных ботинках, элегантно пальто, с шейным платком, без очков и с массивным золотым кольцом на безымянном пальце левой руки. Взгляд у него был тяжелый и суровый, который я и теперь, через много лет, иногда ощущаю, возвращаясь в зал А. Признаюсь, чем долъ-

ше я наблюдал исподтишка за незнакомцем, тем больший интерес он во мне пробуждал. В нем таилось нечто притягательное. Мне сложно определить природу его магнетизма, наверное, дело было в его удивительной способности сосредоточиться. Я решил, что он француз. Гладко выбритое лицо с острыми чертами придавало ему ученый вид. Незнакомец напоминал рафинированного парижского профессора. Благообразная внешность развеяла мои опасения, вызванные его необычным поведением. Естественно, я дал волю воображению. Наверное, подумал я, он школьный учитель, вышедший на пенсию. Вдовец, располагавший неограниченным свободным временем, чтобы посвящать его живописи. Энтузиаст, знаток европейских музеев. В таком случае он играл в высшей лиге в отличие от меня. Поскольку сам я был всего лишь любознательным студентом. Легкомысленным юнцом, который увлекался журналистикой и книгами о загадках и тайнах истории, и кому полагалось возвращаться в университетское общежитие до ужина.

Я уже приготовился оставить незнакомца наедине с «Ла Перлой», когда он вдруг произнес:

— Известна ли тебе поговорка: «Когда ученик готов, к нему приходит учитель»?

Незнакомец сказал это очень тихо, словно боялся, что его услышат. А я отчего-то удивился, что произнес он фразу на безупречном кастильском.

— Вы ко мне обращаетесь?

Он кивнул:

— Разумеется, к тебе, мой мальчик. Ответь, слышал ли ты это изречение?

Вот так просто завязалось знакомство — я не осмеливаюсь называть наши отношения дружбой, — продлившееся всего несколько недель. То, что произошло дальше и о чем я намерен поведать в мельчайших подробностях, побудило меня приходить в музей каждый вечер в последние дни уходящего 1990 года и в начале 1991-го.

Прошло целых два десятилетия после моей встречи с человеком в черном пальто, но по сей день я не могу понять, как нужно относиться к тому, что я узнал от него в стенах Прадо, защищавших меня тогда от сурового мадридского климата и повседневных забот. Явилось ли случившееся игрой воображения, или он действительно преподавал мне урок? Я так и не узнал ни его настоящего имени, ни точного адреса, ни тем более род занятий. Он не дал мне своей визитной карточки и номера телефона. В ту пору я был более доверчив, чем теперь. Он всего лишь пообещал показать мне сокровенные тайны галереи («если есть желание и время»), и этого оказалось достаточно. Я охотно позволил увлечь себя разговорами и с возрастающим энтузиазмом прибегал на свидания, которые он мне назначал.

Вскоре я стал называть его маэстро.

За двадцать два года я ни с кем не обсуждал удивительную историю. Да у меня не возникало желания